

Он говорил обо всем весьма простодушно; он не очень-то почитал науку, особенно те, что служат для услады, к числу коих он относил и поэзию. И когда однажды некий стихоплет¹⁹ стал жаловаться ему, что вознагражден бывает лишь тот, кто служит Королю как воин или как советчик в важнейших делах, и что слишком суровы к тем, кто искусен в изящной словесности, Малерб возразил, что глупо заниматься рифмоплетством, ожидая от него чего-либо, кроме собственного развлечения; и что искусный поэт не более полезен для государства, чем искусный игрок в кегли.

В пору заточения принца Конде, на другой день после того как принцесса, супруга его, разрешилась двумя мертвыми детьми по причине утара в своей комнате в Венсенском лесу,²⁰ Малерб зашел к Хранителю Печати г-ну дю Вара и застал там одного из своих приятелей, провинциального советника, весьма опечаленным. «Что с вами?» — спросил он приятеля. «Могут ли порядочные люди веселиться, когда мы только что потеряли двух принцев крови?» Малерб ему на это ответил: «Ах, сударь, сударь, не подобает вам так кручиниться: старайтесь лишь хорошо слушать, в хозяевах у вас недостатка не будет».

Отправляясь однажды на обед к человеку, который его долго об этом упрекивал, Малерб увидел у входа в дом слугу, стоявшего с перчатками в руках; было одиннадцать часов утра. — «Кто вы, друг мой?» — спросил Малерб. — «Я, сударь, повар». — «Боже правый! — воскликнул Поэт, поспешно ретируясь, — я не могу обедать у человека, чей повар в одиннадцать часов утра стоит на улице, собираясь уходить».

Когда Малерб с покойным дю Мутье и Раканом посетили Картезианский монастырь, дабы повиидать там некоего отца Шазре, им сказали, что их не допустят до беседы с оным, пока каждый из них не прочтет «Отче наш»; после этого явился отец Шазре и принес свои извинения, сказав, что не может беседовать с ними. — «Прикажите вернуть мне мое „Отче наш“», — сказал Малерб.

Как-то Ракан застал его за подсчетом пятидесяти су. Он складывал монеты в кучки: десять, десять и пять, затем снова десять, десять и пять. «К чему это?» — спросил Ракан. «Дело в том, — отвечал Малерб, — что мне в голову запад известный станс:

Сколько терний, Любовь...

там вдут два полных стиха и полустих, потом снова два полных стиха и полустих».

Однажды за обедом у г-на де Бельгарда подали фазана вместе с головой, хвостом и крыльями; Малерб взял оные и швырнул в камин. Дворецкий сказал ему: «Но его ведь могут принять за кашлуна». — «Черт возьми! — возразил Малерб, — так подвесьте ему уж лучше надпись: чем все это дерьмо!».